

ALEX BASS

ЖЕЛЕЗНАЯ ЕВА

НОЧЬ ГНЕВА

Alex Bass
Железная Ева. Ночь гнева

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015938
ISBN 9785005166197*

Аннотация

Книга-антиутопия о том, что еще недавно казалось невозможным, а потом показалось возможным, и теперь... Теперь о таком вообще нельзя говорить. Но автор всё же пишет, свободно формулируя мысли, направляя полет фантазии в темные уголки запретного, препарируя больные места и не стесняясь в выборе фраз и выражений. Написанная еще в 2013 году, повесть долго пропылилась на полке, и вот теперь по воле высших сил наконец выходит в свет. Таков путь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Хождение по музеям	10
Глава 2. Сучья бывают разными	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Железная Ева

Ночь гнева

Alex Bass

*«И, пробудясь от сна, поймешь, что всё,
С тобой случившееся здесь сегодня,
Как в мире бывшее, есть только сон!»
(«Жизнь есть сон», Педро Кальдерон де ла
Барка)*

Дизайнер обложки Peter Gric

© Alex Bass, 2020

© Peter Gric, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6619-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В середине второго десятилетия двадцать первого века произошло событие, коренным образом изменившее не только ход российской, но косвенно и мировой истории. В начале восьмидесятых годов двадцатого века в одной из многочисленных в Советском Союзе засекреченных лабораторий был изготовлен в качестве крайнего средства на случай, если попытка построить коммунизм своими силами провалится, аппарат под названием «Спаситель Ильич», который мог в буквальном смысле воплотить лозунг времен Первого культа личности, гласивший: «железной рукой загоним человечество к счастью». Спустя около тридцати лет после своего создания «Спаситель» случайно оказался в руках двадцатидвухлетней москвички с нацистскими взглядами на мир Алины Снегиревой. Дело было так. Некий инвалид, бывший советский ученый Семен Владленович Сожев, много лет скрывавшийся от общественности и влачивший жалкое существование под видом колоритного бомжа «Джокера», был тем человеком, который открыл принцип эскалации для эгрегоризации вербально оформленной образности, на базе которого он построил «Ильича». Апрельским утром неподалеку от станции метро «Марьино» этот ученый-инвалид, подкатившись к пруду, пытался утопить в нем свое детище, чтобы избежать необходимости выполнять получен-

ный им в то же утро приказ Горбачева о наполнении сознания масс жадой социальной справедливости и лояльности вождю. Джокер решил, что никогда не позволит использовать свой аппарат ни коммунистам, ни нацистам. В его глазах как первые, так и вторые исчерпали свои шансы, предоставленные историей, и давать им новые было бы не только опрометчиво, но и преступно. Однако хотя ученый давно заблокировал основные тоталитарные режимы на приборной панели «Ильича», он всё же решил и вовсе избавиться от аппарата. Возле пруда Снегирева спасла Джокера от нападения, и благодарный ученый, изменив свое же решение, в награду научил девушку, как именно она может с помощью эгрегоризатора повлиять на естественный ход исторического процесса. Действительно, излюбленный Снегиревой политический режим нельзя было построить, всего лишь выставив соответствующие настройки на «Спасителе», но дама достаточно вдохновилась всеми нахлынувшими на нее за последнюю неделю событиями, чтобы найти выход: компромиссный политический режим, сочетающий в себе черты разных вариантов тоталитаризма, при этом не сводимый ни к одному из них, а являющийся по отношению к ним суперрадикальным.

В результате мало кому до того в России знакомая Гисталина, как теперь выглядела фамилия Снегиревой, внезапно оказалась желанной кандидатурой на место главы государства. Девушка на гребне всколыхнувшейся волны популяр-

ности здорового образа жизни выиграла досрочные президентские выборы с огромным отрывом от остальных претендентов, набрав 94,1% голосов.

Гисталина стала формальным лидером, постепенно обретая неограниченные права и подготавливая почву для государственных преобразований невиданных ранее масштабов. Нацистский дух показал себя сразу, едва только Алина Леонидовна занялась объединением части восточнославянских земель. Российская Федерация, Украина и Белоруссия слились в ноябре первого года гисталинского владычества в рамках новой единой государственной организации под вывеской «ТУР», или «Тоталосоцистского Утопического Рейха». Каждая из трех частей Рейха управлялась теперь не президентом, а Соцсоветом; над всеми ними стояла «господучи» – такой вид теперь обрел титул Гисталиной.

На ноябрьских торжествах по случаю нового «аншлюса», то есть вступления Украины в состав ТУР (Белоруссия вошла всего лишь через неделю), Гисталина познакомилась с Антипом Тарашенко, заместителем уже бывшего президента страны Игоря Маркова. Украинцу суждено было, хоть и не очень долго, пробыть, позаимствовав ее фамилию, мужем Алины Леонидовны. Также, уже под именем Антипа Витальевича Гисталина, ему довелось стать главой Соцсовета Украины. Сама господучи, помимо того, что обладала верховной властью в ТУР, возглавила еще и Соцсовет Руси.

Практически сразу по образованию ТУР была введена

смертная казнь. Календарь обнулили, отсчет лет начался заново, и «первым годом» стал следующий после создания ТУР. Под суровым надзором Гисталиной в стране произошел скачок производства и последовала череда грандиозных законопроектов, разработанных Алиной совместно с товарищами по ТП (Тоталосоцистской Партии) Тоталосоцистского Утопического Рейха. В числе первых были опубликованы законопроекты, даже уже не ограничившие, а полностью запретившие пить алкоголь и курить, а также вызвавший громкий скандал в СМИ и мировой общественности закон от двенадцатого апреля первого года, ставший известным как «открытие сезона охоты», давший, как это ни прискорбно, отмашку жестокой резне и форменному геноциду многих слоев общества коренным населением славянской части территории Рейха, включая наркоманов и геев, осуществляемым под действием «агрессиолина» – созданного в лабораториях ТУР препарата, предназначенного для развития у лиц, принимающих его, исключительных способностей к насилию и убийству. Орудиями террора выступили отряды под завязку накачанных «агрессиолином» штурмовиков ТП ТУР, сокращенно именовавшихся «чурбонами», а полностью – «чрезвычайными уполномоченными рыцарями-бонами», действовавшими вполне эффективно даже без всякого оружия. Впрочем «чурбонов» было хотя и много, но всё же не бесконечно, к тому же они являлись людьми и со временем обретали свойство уставать. Тогда по образцу

нацистских лагерей смерти были построены тотенлаги, в которых ненужных государству граждан специально заражали через пищу, чтобы они умирали от страшных опухолей головы, якобы неизвестных науке. Впоследствии «чурбонов» заменили отборными легковооруженными частями «турции», но это произошло уже в эпоху строительства грандиозного Гисталиноавтолага, когда нашли способ расходовать силы живых людей более эргономично, перейдя к ярко выраженным элементам тоталитаризма советской школы.

Глава 1. Хождение по музеям

Была первая после образования Тоталосоцистского Утопического Рейха весна. Алина Леонидовна замечала, что управление страной, и без того благодаря эгрегоризатору Джокера удававшееся без особых трудностей, дается ей с каждым днем всё легче. Снегирева, точнее – теперь Гисталина, в конце концов решила, что переборщила, вынудив эгрегоризировать такое большое количество сознаний. Процентом шестидесяти-шестидесяти пяти территории, подвергнутой обработке аппаратом бомжа-гения, похожего на портрет работы Вилова, для ее целей хватило бы за глаза. В воздухе быстро стали чувствоваться глобальные климатические изменения истории, произошедшие из-за самоуправства Алины. Казалось, ветер буквально разносил вместе со своим дыханием семена новой эпохи, засевая с лету благодатную почву их же самих породившего массового сознания. Прорастая, такие семена давали всходы в сердцах жителей ТУР и приносили свои плоды, которые отражались самозабвенной преданностью в глазах подданных государства, созданного при помощи фантазии Снегирёвой и советских тайных научных разработок.

Хотя сегодня господучи (титул лишь недавно стал привычен хотя бы самой Алине Леонидовне) как обычно планировала совершить много дел государственной важности, утро

она всё же решила потратить на посещение в компании своего мужа Антипа Гисталина обновленного музея современного искусства имени Йозефа Геббельса. Положение господчи давало массу плюсов, в том числе бессчетное количество возможностей для бесплатного досуга. Руководство любого музея или выставки не в одном лишь Гисталинограде, как теперь именовали столицу ТУР, но и во всех частях Рейха, само собой разумеется, было счастливо открыть двери главе государства, особенно если при этом в СМИ упоминалась фамилия Гисталиной в связи с их организацией.

В прошлое воскресенье удача улыбнулась картинной галерее Алексея Миусовича Вилова: семидесятилетний живописец набросал портрет Гисталиной и сфотографировался с ней. Он сделал это не только для того, чтобы пополнить свою коллекцию фотографий со знаменитостями всякого рода (в их числе были модельеры, писатели, политики, актеры, режиссеры), висевшую в той же галерее на лестничной клетке, но и чтобы обновить свою «контактную» аватару.

Две недели прошло с окончания медового месяца, проведенного четой Гисталиных в Австрии и Германии. Эта поездка по факту продлилась всего лишь пятнадцать дней, по истечении которых супруги вернулись к работе по управлению страной непосредственно изнутри. Алина Леонидовна и Антип Витальевич погостили в Берлине, где останавливались смеха ради в Adlon – отеле, в котором бывали «великий диктатор» Чаплин и «великий сионист» Эйнштейн,

и Вене (заняли номер Presidential Suite Zauberflote в отеле Sacher Wien; господучи особенно полюбились эксклюзивные «Шоколадные процедуры» от Sacher SPA, в ходе которых она наслаждалась журчанием переливавшейся в плеере её телефона арии Царицы ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта» в исполнении великой гречанки Марии Каллас). Помимо этого, молодые успели за время свадебного путешествия посмотреть только на дом в Браунау-на-Инне, где родился Гитлер. Господучи к тому же не столько отдыхала, сколько давала ценные указания ТП ТУР, осуществляя дистанционное руководство по Сети и постоянно проводя конференции Соцсоветов. Гисталин (из соседней с женой комнаты) как глава Соцсовета Украины тоже принимал в них участие, но в основном руководство данного сегмента ТУР, состоявшее из убежденных сторонников тоталосоцизма, выполняло свою работу вполне успешно и без ежедневных указаний локального лидера, отсутствовавшего в Киеве. Две недели своего сомнительного отдыха супруги между собой прозвали «медовый полумесяц». Заинтересовавшийся этимологией термина, которым принято обозначать свадебный е*лотрип, более свободный Антип Витальевич выяснил, хорошенько «прогуглив» данную тему, что русское «медовый месяц», подобно многочисленным его аналогам в разных мировых языках, является калькированным заимствованием английской идиомы «honeymoon», первоначально имевшей семантику не темпоральную, а небесно-телес-

ную: супруги якобы так же относятся друг к другу в это время, как две противоположные фазы Луны, которая не может начать уменьшаться до тех пор, пока не побывает полной. Это объяснение не удовлетворило Антипа Витальевича, показавшись чересчур надуманным и усложняющим простые вещи, в отличие от версии из русскоязычного сегмента «Википедии», объяснявшей, напротив, возникновение английского «honeymoon» как неверно понятого при заимствовании русского «медового месяца». В статье утверждалось, что в ходе медового месяца изначально было принято, чтобы молодые в течение данного отрезка времени пили мед из специально заготовленной бочки. Увы, и месяц далеко не вечен, не говоря о полумесяце. Вскоре молодожены снова были в Гисталинограде. В событийном плане ничего экстраординарного в государстве за время их отсутствия не произошло, и тем не менее Гисталина как будто вернулась в уже другую страну. Эта страна, навеки подчиненная и лежавшая у ног словно верный пес, ожидавший команды хозяйки, нравилась ей куда больше той непокоренной, непредсказуемой и загадочной в вечном загуле снежноволосой леди Бабы, которую она оставляла.

Итак, выйдя из бронированного «мерседеса», Алина Леонидовна возле входа в музей современного искусства имени Йозефа Геббельса стала ждать супруга, задерживавшегося из-за визита к врачу. Антипу Витальевичу вживляли под кожу особый выведенный в лабораториях Рейха гри-

бок, который мгновенно впитывал любую принятую человеком дозу алкоголя. Так называемой «грибизации» детей теперь должны были подвергать, хоть это и не всегда соблюдалось, в обязательном порядке в начальной школе, так что данная мера обещала в ближайшем будущем сделать пьянство в ТУР не только не опасным социальным явлением, но и попросту невозможным. Процедуру было необходимо пройти каждому взрослому, кто выражал желание прожить в ТУР после всех решительных государственных преобразований в сфере здравоохранения. Причем речь шла именно о реформах, затронувших область охраны здоровья населения, а не о лечении болезней. Предшествовавшие политические режимы пытались просто ограничивать количество потребляемой отравы на душу населения и тратить миллионы на исправление прямого и косвенного ущерба, нанесенного алкоголем. Новый режим предпочитал вырывать проблемы с корнем вместо того, чтобы трудолюбиво и бессмысленно обрезать разросшиеся поросли следствий, которые вдобавок обладали способностью к бесконечной регенерации подобно головам Гидры. Если кто-то из живших в Рейхе всё же хотел втихаря продолжать порочную практику употребления спиртосодержащих напитков, следуя по жизни привычной заколдованной колеей, освещенной чередующимися в ночи сигнальными огнями опьянения и похмелья, он как правило оказывался обречен вечно скрываться от «грибизации», став настоящим изгоем общества. Неко-

торые, кому это показалось невыносимым, но у кого не было средств или возможности покинуть ТУР, добровольно уходили из жизни. Несмотря на небольшой статистический уклон, в целом можно было утверждать: «грибизация» населения прошла почти безболезненно. А кровь ее жертв окупится сохраненными жизнями и здоровьем будущих поколений, рожденных от «грибизированных» родителей, так как они будут иметь врожденный иммунитет к алкогольсодержащим напиткам.

Сама Гисталина тоже полгода назад обращалась к врачам, только вот по несколько иному поводу: долгожданная операция на позвоночник, проведенная под присмотром лучших врачей государства, позволила ей вернуть себе статус физически полноценного человека. Теперь она могла, больше не отвлекаясь на боль, целиком и полностью сосредоточиться на управлении организмом ТУР, который отныне выполнял распоряжения господучи почти так же покорно, как и ее собственное тело. В условиях, когда жизнь и без того была норадреналиновым ключом на восемьдесят восемь по голове, потребность в алкоголе и табаке, характерная для Снегиревой на протяжении стольких лет, быстро сошла на нет сама по себе, так что необходимости в какой-либо «грибизации» стоявшей во главе ТУР дамы не было.

В день визита господучи и главы Соцсовета Украины, или СС (У), вход рядовым гражданам в музей был воспрещен. Через двадцать пять минут ожидания терпение Алины Лео-

нидовны было наконец вознаграждено, и из двери черного джипа «Гранд-Чероки» четвертого поколения показался в сопровождении охраны усатый мужчина в черном же берете.

Неторная горная тропа Антипа Витальевича, приведшая его на самый верх иерархии государственной власти, была терниста и полна опасностей. Проходя через тюрьмы, пересекая вплавь реки крови, продираясь через колючие тернии мелких пакостей и натываясь во тьме безлюдной пустыни жизни на оазисы больших денег, в конце стабильно оказывавшиеся всего лишь миражами, Антип терпеливо ждал свой шанс, и когда этот шанс в итоге всё же был ему предоставлен судьбой и «Спасителем», тридцатипятилетний нацбол, кем считал себя по своим политическим убеждениям бывший Тарашенко, а ныне Гисталин, естественно, не простил бы себе, если бы упустил его.

Антип Витальевич и Алина Леонидовна деловито поприветствовали друг друга малым «зиг-ротом», муж взял жену под руку, и процессия в составе Гисталиных и сопровождавшей их охраны проследовала через большие окованные железом двери в музей современного искусства.

Музей имени Йозефа Геббельса отличала нередкая смена экспозиции, часто полная. В этот раз весь второй этаж занимала выставка современного художника-постконцептуалиста Василия Феодосьевича Бунтарченко, земляка Гисталина.

И вот, держась за руки, высокопоставленная чета не спеша проходила зал за залом, в то время как счастливый художник суетливо сыпал подробными комментариями почти что по поводу каждой из представленных здесь его многочисленных работ. В первом зале вниманию Гисталиных предстал полиптих «Пропахший без трезвости», состоявший из пяти картин, на которых были изображены пять разных по размеру и консистенции луж рвоты.

Комментарий художника:

– Данный цикл призван в первую голову отразить перипетии исторического этапа борьбы в массовом сознании между отжившей свое концепцией мифической пользы алкоголя для творчества и новыми тенденциями здорового и трезвого восприятия мира и своего места в нем. Когда видишь по утрам лужи накануне наблеванного алкашами, то понимаешь, что всё-таки прав ты, а не они. Еда – одно из главных удовольствий в нашем материальном мире, причем удовольствие продуктивное. Не стоит так глупо с ней обращаться; напротив, в отношении человека и человеческого следует быть прагматиком и реалистом.

Второй зал главным образом был посвящен инсталляции «Чёрный экран», полностью занявшей одну из стен. Большая плазменная панель, подключенная к элитному «яблочному» ноутбуку, транслировала статичную картинку первозданного мрака.

Комментарий художника:

– Видение творца – не пассивное созерцание, а активное и созидательное преобразование мира силами своего духа даже там, где заурядный филистер ровным счетом ничего не увидит и не поймет. Неспособность недалёких людей осознать разделение книг на «глубокие» и «поверхностные» связана с тем, что для большинства людей практически все книги слишком «глубоки». К тому же, чем более развит человек, тем «глубже» может погрузиться.

В третьем зале главных экспонатов было два. Произведение постконцептуального искусства «Уволенный таджик» на самом деле представляло собой, как это ни было странно, живого гастарбайтера. Алина Леонидовна даже рот от удивления раскрыла, тем самым дав понять художнику, что требуемый эстетический эффект был достигнут.

Комментарий художника:

– Тут, как вы можете видеть, мною выставлен достаточно смелый креатив: в качестве «живой картины» использован гражданин, как принято сейчас говорить, независимого Точикистона Султонбек, уволенный с работы по расовым мотивам в соответствии с директивой тоталосоцистского правительства от четвертого декабря прошлого года. Несчастный нашел убежище в этом музее. Надеюсь, вы простите художнику небольшое вольнодумство, если я скажу, что не одобряю деятельность «чурбонов»? Мелочное самоутверждение – удел ничтожеств, а я занимаюсь ловлей исключительно крупной рыбы. Разве можно себе представить, чтобы

Булгаков или да Винчи пошли и до кого-нибудь до*бались?.. Теперь Султонбек подрабатывает на полставки у нас, в отдельные дни его заменяет Монадбой. Изначально я планировал выставить менее шокирующий арт-объект, но в конце концов решился на небольшой рискованный эксперимент.

Второе произведение, выставленное в этом зале, называлось «Римминг Иуды», и название полностью соответствовало тому, что было изображено Бунтарченко на холсте. В яркой, предельно натуралистической (если здесь годится это слово) манере художник изобразил момент эякуляции, причем время от времени водяные брызги, изображавшие священное семя, неожиданно фонтанировали прямо на зрителя из шланга, скрытого в стене за полотном.

Комментарий художника:

– Только ненависть и любовь могут бесконечно вдохновлять на творчество. А любые рамки – это всегда ограничения. Я не хочу, чтобы про меня можно было сказать: «это – нацист», «это – тоталосоцист» или «это – постструктуралист». Я хочу быть более глобальным, хочу занимать пять страниц «Википедии» одним лишь перечнем главных моих идей.

Просмотрев все представленные работы, господучи вспомнила откровенно не понравившегося ей «Иуду» и с иронией поинтересовалась у мастера:

– Полагаю, вы считаете себя гением?

– Если гений – это человек, способный долго и плодотвор-

но работать, создавая шедевр за шедевром, тогда да – считаю.

...Сидя с мужем в «Тур'S бургерS» после посещения музея, Алина Леонидовна в сотый раз пыталась завести разговор на волновавшую ее тему, советуя Антипу Витальевичу стать «чурбоном», то есть современным рыцарем, и испытать новые ощущения, пробиравав «агрессиолин» и обретая вдохновение в уличной войне.

– Нет, – твердо ответил Антип. – Я на это дело не могу согласиться. Ты видела в музее таджика? Да его там как в зверинце выставляют, и для кого?! Твои «чурбоны» – не рыцари, а обычные инквизиторы; палачи под «агрессиолином», нападающие с целью лишить жизни как правило превосходящим числом на безоружного и находящегося в заведомо невыгодном положении противника хотя бы потому, что он не готовился драться, а думал о своем. Рыцари бились на равных, а не как пидоры. В плохом смысле. Собственно, гомосеки лучше твоих «чурбонов», и если б ты предложила мне в поисках новых ощущений пое*аться с парнем – вдруг, понравится? – я б не так сильно обиделся, как на предложение стать палачом. Не нужно засорять ноосферу мрачными идеями – и без того космос переполнен темной материей. Если на тебя напали, ты всегда имеешь моральное право защищаться, даже если твоя кожа имеет радужный цвет.

Алина Леонидовна подвела итог:

– Жертвы давно ожидают атаку, да скоро ожидать будет

некому! Жаль вот только, что ты так и останешься в стороне.

Эта размолвка стала первой в совместной жизни супругов.

Глава 2. Сучья бывают разными

В пол-одиннадцатого утра в отделе доставки сервисного центра «Руки'\$\$Буки'\$\$» обычно яблоку негде было упасть от снующих между телефонами, терминалами, принтерами, степлерами и выдачей водителей и курьеров, и двадцать седьмое ноября первого года от образования ТУР не стало исключением. Один из курьеров, Алексей Нарочный, парень лет двадцати шести или семи, среднего роста, с проклепаннными обрезанными перчатками на руках, одетый в синюю куртку и черные брюки, заправленные в зимние «стилы» на высокой шкуровке, зашел в свою базу под логином «suckmynick» и паролем «NAZISMF666» и распечатал маршрутный лист. Просмотрев его и увидев в списке доставок моноблок в Фюрерский район, молодой человек деловито обратился к водителю, работавшему в той части города.

– Вась, у меня тут моноблок на Рингбургерштрассе.

– Да, давай, моё! – тут же среагировал Василий Немнин, мужчина ниже среднего роста, лет сорока на вид, с застывшей навеки в глазах легкой насмешкой.

– Ты вроде как вчера еще отвезти его должен был? – припомнил Нарочный.

– Должен был. В четыре клиент соизволил проснуться, позвонить мне и сказать: «Я сегодня не в состоянии, извините!» – Василий умело передал искаженную последствиями

потребления спиртного манеру клиента.

– Да уж, и как они только от «грибизации» столько времени скрываются, ума не приложу. У меня такой один только был за всё время работы... – поделился Нарочный.

– Ты еще на «Бело-Шнурковской» не был! – влез в разговор другой водитель, Владимир, бывший моложе Васи.

– Не, я по центру катаюсь, – не стал спорить курьер.

Володя кивнул:

– Там-то люди культурные, ясное дело...

Приехав на Арбат, Алексей легко нашел первое строение сорокового дома, поразившее его шедевральностью своей архитектуры. Дверь в подъезд, как и сказала клиентка, оказалась ровно напротив места, где некогда стоял памятник Булату Окуджаве. Позвонив в домофон, курьер услышал интеллигентные переливы не сильно молодого женского голоса и, партией ритм-секции, лай какой-то, по всей видимости, некрупных габаритов псины.

После того как Алексей объяснил, кто он такой и зачем пришел, дверь открылась. Поднявшись по лестнице (лифт не работал, о чем гордо извещала табличка) на третий этаж, молодой человек вошел в черный прямоугольник, ведущий в четвертую квартиру. Там его встретила лет сорока пяти или больше породистая женщина в очках, которая, видимо, и говорила с ним по домофону. Дама предложила ему снять куртку и пройти в комнату, но Нарочный решил не терять времени. Татьяна (так звали женщину) взяла переданный ку-

рьером ноут и отдала его на проверку мужчине также в солидных летах, видимо – ее мужу. К мужу она обращалась по имени-отчеству – Михаил Валентинович, что повергло Алексея в легкий шок. Впрочем, вспомнив утренний разговор, он понял, что квартира на Арбате – это и есть то самое место, где можно не удивляться вежливости. Михаил Валентинович неустанно тщился уговорить не гавкать рыжеватуую суку, которую держал на руках. Алексей не разбирался в марках безалкогольных вин (других к тому времени уже не осталось), марках машин и породах собак.

Подошедшая домработница, попросив Нарочного, стоявшего у зеркала возле тумбочки, подвинуться, прошла в, казалось, позолоченную дверь ванной комнаты. Только тут курьер решил хорошенько осмотреться, тем более что с клиентом как обычно начались какие-то непонятки, и это грозило на какое-то время растянуться. В комнатах с высоким потолком висели картины, стояли какие-то фигурки солдат в треуголках и с ружьями, наличествовали всевозможные атрибуты сытой и вкусной жизни в довольстве.

Контур конфликта с клиентом между тем обрисовывался всё четче: шесть месяцев гарантии были прописаны в документе вместо заявленного года. При этом стоимость ремонта составила почти двадцать пять тысяч рейхсблей. Набрав номер офиса, хозяйка ноутбука,ждавшись соединения с менеджером, начала разговор:

– По телефону был обещан год гарантии, что для меня

является важным моментом, учитывая стоимость ремонта, приближенную к стоимости нового аппарата. Если у вас записываются все разговоры, то можете сами послушать. Курьер ваш сейчас находится у меня. Как будем выходить из со-здавшегося положения?

Менеджер сервисного центра пообещал перезвонить, а Татьяна пока спустилась за чем-то в подъезд, так как кто-то снова позвонил в домофон. В отсутствие жены Михаил Валентинович, не участвовавший прежде в разговоре, выпустив успокоившуюся в конце концов живность, подошел к Нарочному и сказал:

– Не желаете пока книжку почитать?

– А что вы можете мне предложить? – ответил Алексей вопросом на неожиданное, но приятное предложение: читать Нарочный обожал.

– Есть хорошие книги, секундочку...

Михаил снова зашел в свою комнату с окнами на Арбат, чтобы тут же вернуться со здоровым красочным фолиантом, повествующим о правителях русской земли разных веков от Рюрика до господучи. Биографические справки были снабжены репродукциями картин художников, как старых, так и новых (князь Олег с сыном Игорем на руках в варианте Ильи Глазунова был тут тоже) и комментариями Карамзина, Ключевского и Соловьева. Остановившись чуть дольше на характеристике, данной одним из историков Павлу I, как правителю нового типа, которому не удалось воплотить за-

думанное, курьер отложил книгу, когда вернулась клиентка.

Никто не перезвонил, поэтому Алексей, решив использовать свои связи, набрал старшему менеджеру и попросил его повлиять на ситуацию во имя Рейха. Это возымело эффект: вскоре клиентский мобильник ожил, начав распространять по квартире звуки какой-то нежной классической мелодии. Пока обрадованная Татьяна вела возобновившиеся переговоры, к Нарочному подошел Михаил Валентинович и предложил посмотреть другую книгу. На этот раз Алексею достался сборник начинающего поэта А. Н. Мослимова, подаренный чете Тирантьевых и подписанный самим автором. Перед тем, как передать сборник, Михаил полистал его, пока не нашел то произведение, которое хотел показать – злое стихотворение об ужасных «суках», устроивших себе комфортное житье. В голове Нарочного прочно засела пара строк, повторявшихся рефреном в конце каждого четверостишия:

*«Может, сучья бывают и разными,
Только суки всегда будут суками».*

Вскоре недоразумение разрешилось, и клиентка, поверившая словам менеджера, пообещавшего сразу же изменить сроки гарантии, сказала в шутку, закрывая за курьером входную дверь:

– На свободу с чистой совестью?..

Нарочный, вежливо хихикнув, подумал, что эти двое, видимо, в жизни более грубого слова, чем «суки», не слышали

и не сказали... Покидая островок другого, лучшего, более тихого мира в океане безжалостной реальности, он еще раз, уже с Плотникова переулка, оглянулся на оставленное им здание. Оказалось, что во всем доме свет горел только в одном окне – окне комнаты Михаила Тирантьева на третьем этаже. В проеме Нарочный увидел женский силуэт; Алексею сперва показалось, что Татьяна машет ему, но, приглядевшись, он понял, что та просто мыла раму.

Заехав в середине рабочего дня в офис, Алексей получил задание особой важности: съездить в районное отделение полиции и подать заявление на курьера, уличенного в воровстве, то есть, проще говоря, «пусорнуться». Нарочному визит в пентуру, при всей его неоднозначности, показался забавной перспективой, так как он давал шанс окунуться в мир, дорога в который была закрыта для него в обыденной жизни: пестрый парад пентов, попрошаек, проституток и педерастов; параллельную вселенную барыг, бродяг, быков и бисеков. Еще до всеобъемлющих масштабов «грибизации» Алексей уже несколько лет был стрейтэджером, что понятным образом сказывалось не только на его отношениях и контактах с перечисленными группами граждан, но и сокращало общение с традиционными архетипическими неформалами. Собственно, неформал тем и отличался в глазах Нарочного от говнаря, что вел исключительно трезвый образ жизни. Курьер в свободное время писал тексты для разных групп, считая это своим призванием. Моло-

дой человек верил: истинное бессмертие души – на бумаге и в камне, в файлах и нотах, то есть там, где ее может почувствовать другая душа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.